

УДК 821-053.2
ББК 84(0)-44
Ч-22

Чарская, Лидия Алексеевна.

Ч-22 Романтические истории для девочек / Лидия Чарская. —
Москва : Эксмо, 2024. — 360 с.

ISBN 978-5-04-186107-0

В этот сборник вошли две наиболее известные повести Лидии Чарской — «Записки маленькой гимназистки» и «Сибирочка». Герои произведений Лидии Алексеевны — девочки с непростой судьбой, которые остаются честными и благородными несмотря ни на что.

Невероятно трогательные истории, пронизанные верой в добро и справедливость, расскажут юным читателям о милосердии, стойкости и настоящей дружбе.

УДК 821-053.2
ББК 84(0)-44

ISBN 978-5-04-186107-0

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ

Глава I

В ЧУЖОЙ ГОРОД, К ЧУЖИМ ЛЮДЯМ

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! — стучат колёса, и поезд быстро мчится всё вперёд и вперёд.

Мне слышатся в этом однообразном шуме одни и те же слова, повторяемые десятки, сотни, тысячи раз. Я чутко прислушиваюсь, и мне кажется, что колёса выстукивают одно и то же, без счёта, без конца: вот так-так! вот так-так! вот так-так!

Колёса стучат, а поезд мчится и мчится без оглядки, как вихрь, как стрела...

В окне навстречу нам бегут кусты, деревья, станционные домики и телеграфные столбы, наставленные по откосу полотна железной дороги...

Или это поезд наш бежит, а они спокойно стоят на одном месте? Не знаю, не понимаю.

Впрочем, я многого не понимаю, что случилось со мною за эти последние дни.

Господи, как всё странно делается на свете! Могла ли я думать несколько недель тому назад, что мне придётся покинуть наш маленький, уютный домик на берегу Волги и ехать

одной-одинёшеньке за тысячи вёрст к каким-то дальним, совершенно неизвестным родственникам?.. Да, мне всё ещё кажется, что это только сон, но — увы! — это не сон!..

— Петербург! — раздался за моей спиной голос кондуктора, и я увидела перед собою его доброе широкое лицо и густую рыжеватую бороду.

Этого кондуктора звали Никифором Матвеевичем. Он всю дорогу заботился обо мне, поил меня чаем, постлал мне постель на лавке и, как только у него было время, всячески развлекал меня. У него, оказывается, была моих лет дочурка, которую звали Нюрой и которая с матерью и братом Серёжей жила в Петербурге. Он мне и адрес даже свой в карман сунул — «на всякий случай», если бы я захотела навестить его и познакомиться с Нюрочкой.

— Очень уж я вас жалею, барышня, — говорил мне не раз во время моего недолгого пути Никифор Матвеевич, — потому сиротка вы, а бог сироток велит любить. И опять, одна вы, как есть одна на свете; петербургского дяденьки своего не знаете, семьи его также... Нелегко ведь... А только, если уж очень невмоготу станет, вы к нам приходите. Меня дома редко застанете, потому в разъездах я всё больше, а жена с Нюркой вам рады будут. Они у меня добрые...

Я поблагодарила ласкового кондуктора и обещала ему побывать у него...

— Петербург! — ещё раз выкрикнул за моей спиной знакомый голос и, обращаясь ко мне, добавил: — Вот и приехали, барышня. Дозвольте,

я вещички ваши соберу, а то после поздно будет. Ишь суетня какая!

И правда, в вагоне поднялась страшная суматоха. Пассажиры и пассажирки суетились и толкались, укладывая и увязывая вещи. Какая-то старушка, ехавшая напротив меня всю дорогу, потеряла кошелёк с деньгами и кричала, что её обокрали. Чей-то ребёнок плакал в углу. У двери стоял шарманщик и наигрывал тоскливую песенку на своём разбитом инструменте.

Я выглянула в окно. Господи! Сколько труб я увидела! Трубы, трубы и трубы! Целый лес труб! Из каждой вился серый дымок и, поднимаясь вверх, расплывался в небе. Моросил мелкий осенний дождик, и вся природа, казалось, хмурилась, плакала и жаловалась на что-то.

Поезд пошёл медленнее. Колёса уже не выкрикивали своё неугомонное «вот так-так!». Они стучали теперь значительно протяжнее и тоже точно жаловались на то, что машина насильно задерживает их бойкий, весёлый ход.

И вот поезд остановился.

— Пожалуйте, приехали, — произнёс Никифор Матвеевич.

И, взяв в одну руку мой тёплый платок, подушку и чемоданчик, а другою крепко сжав мою руку, повёл меня из вагона, с трудом протискиваясь через толпу.

МОЯ МАМОЧКА

Была у меня мамочка, ласковая, добрая, милая. Жили мы с мамочкой в маленьком домике на берегу Волги. Домик был такой чистый и светленький, а из окон нашей квартиры видно было и широкую, красивую Волгу, и огромные двухэтажные пароходы, и барки, и пристань на берегу, и толпы гуляющих, выходявших в определённые часы на эту пристань встречать приходящие пароходы... И мы с мамочкой ходили туда, только редко, очень редко: мамочка давала уроки в нашем городе, и ей нельзя было гулять со мною так часто, как бы мне хотелось. Мамочка говорила:

— Подожди, Ленуша, накоплю денег и прокачу тебя по Волге от нашего Рыбинска вплоть до самой Астрахани! Вот тогда-то нагуляемся вдоволь.

Я радовалась и ждала весны.

К весне мамочка прикопила немного денег, и мы решили с первыми же тёплыми днями исполнить нашу затею.

— Вот как только Волга очистится от льда, мы с тобой и покатым! — говорила мамочка, ласково поглаживая меня по голове.

Но когда лёд тронулся, она простудилась и стала кашлять.

Лёд прошёл, Волга очистилась, а мамочка всё кашляла и кашляла без конца. Она стала как-то разом худенькая и прозрачная, как воск,

и всё сидела у окна, смотрела на Волгу и твердила:

— Вот пройдёт кашель, поправлюсь немного, и покатаем мы с тобою до Астрахани, Ленуша!

Но кашель и простуда не проходили; лето было сырое и холодное в этом году, и мамочка с каждым днём становилась всё худее, бледнее и прозрачнее.

Наступила осень. Подошёл сентябрь. Над Волгой потянулись длинные вереницы журавлей, улетающих в тёплые страны. Мамочка уже не сидела больше у окна в гостиной, а лежала на кровати и всё время дрожала от холода, в то время как сама была горячая, как огонь.

Раз она подозвала меня к себе и сказала:

— Слушай, Ленуша. Твоя мама скоро от тебя навсегда... Но ты не горюй, милушка. Я всегда буду смотреть на тебя с неба и буду радоваться на добрые поступки моей девочки, а...

Я не дала ей договорить и горько заплакала. И мамочка заплакала тоже, а глаза у неё стали грустные-грустные, такие же точно, как у того ангела, которого я видела на большом образе в нашей церкви.

Успокоившись немного, мамочка снова заговорила:

— Я чувствую, господь скоро возьмёт меня к себе, и да будет его святая воля! Будь умницей без мамы, молись богу и помни меня... Ты поедешь жить к твоему дяде, моему родному брату, который живёт в Петербурге... Я писала ему о тебе и просила приютить сиротку...

Что-то больно-больно при слове «сиротка» сдавило мне горло...

Я зарыдала, заплакала и забилась у маминной постели. Пришла Марьюшка (кухарка, жившая у нас целых десять лет, с самого года моего рождения, и любившая мамочку и меня без памяти) и увела меня к себе, говоря, что «мамаше нужен покой».

Вся в слезах уснула я в эту ночь на Марьюшкиной постели, а утром... Ах, что было утром!..

Я проснулась очень рано, кажется, часов в шесть, и хотела прямо побежать к мамочке.

В эту минуту вошла Марьюшка и сказала:

— Молись богу, Леночка: боженька взял твою мамашу к себе. Умерла твоя мамочка.

— Умерла мамочка! — как эхо повторила я.

И вдруг мне стало так холодно, холодно! Потом в голове у меня зашумело, и вся комната, и Марьюшка, и потолок, и стол, и стулья — всё перевернулось и закружилось в моих глазах, и я уже не помню, что случилось со мною вслед за этим. Кажется, я упала на пол без чувств...

* * *

Очнулась я тогда, когда уже мамочка лежала в большом белом ящике, в белом платье, с белым веночком на голове.

Старенький седенький священник читал молитвы, певчие пели, а Марьюшка молилась у порога спальни. Приходили какие-то старушки и тоже молились, потом глядели на меня с сожалением, качали головами и шамкали что-то беззубыми ртами...

— Сиротка! Круглая сиротка! — тоже покачивая головой и глядя на меня жалостливо, говорила Марьюшка и плакала. Плакали и старушки...

На третий день Марьюшка подвела меня к белому ящику, в котором лежала мамочка, и велела поцеловать мне мамочкину руку. Потом священник благословил мамочку, певчие запели что-то очень печальное; подошли какие-то мужчины, закрыли белый ящик и понесли его вон из нашего домика...

Я громко заплакала. Но тут подоспели знакомые мне уже старушки, говоря, что мамочку несут хоронить и что плакать не надо, а надо молиться.

Белый ящик принесли в церковь, мы отстояли обедню, а потом снова подошли какие-то люди, подняли ящик и понесли его на кладбище. Там уже была вырыта глубокая чёрная яма, куда и опустили мамочкин гроб. Потом яму забросали землёю, поставили над нею белый крестик, и Марьюшка повела меня домой.

По дороге она говорила мне, что вечером повезёт меня на вокзал, посадит в поезд и отправит в Петербург к дяде.

— Я не хочу к дяде, — проговорила я угрюмо, — не знаю никакого дяди и боюсь ехать к нему!

Но Марьюшка сказала, что стыдно так говорить большой девочке, что мамочка слышит это и что ей больно от моих слов.

Тогда я притихла и стала припоминать лицо дяди.

Я никогда не видела моего петербургского дяди, но в мамочкином альбоме был его портрет. Он был изображён на нём в золотом шитом мундире, со множеством орденов и со звездой на груди. У него был очень важный вид, и я его невольно боялась.

После обеда, к которому я едва притронулась, Марьюшка уложила в старый чемодан все мои платья и бельё, напоила меня чаем и повезла на вокзал.

Глава III

КЛЕТЧАТАЯ ДАМА

Когда подъехал поезд, Марьюшка отыскивала знакомого кондуктора и просила его довезти меня до Петербурга и смотреть за мною дорогою. Затем она дала мне бумажку, на которой записано было, где живёт в Петербурге мой дядя, перекрестила меня и, сказав: «Ну, будь умницей!» — простилась со мною...

Всю дорогу я провела точно во сне. Напрасно сидевшие в вагоне старались развлечь меня, напрасно добрый Никифор Матвеевич обращал моё внимание на попадавшиеся нам по дороге разные деревни, строения, стада... Я ничего не видела, ничего не замечала...

Так доехала я до Петербурга...

Выйдя с моим спутником из вагона, я была сразу оглушена шумом, криками и сутолокой, царившими на вокзале. Люди бежали куда-то, сталкивались друг с другом и снова бежали

с озабоченным видом, с руками, занятыми узлами, свёртками и пакетами.

У меня даже голова закружилась от всего этого шума, грохота, крика. Я не привыкла к нему. В нашем приволжском городе не было так шумно.

— А кто же вас встречать будет, барышня? — вывел меня из задумчивости голос моего спутника.

Я невольно смутилась его вопросом.

Кто меня будет встречать? Не знаю!

Провожая меня, Марьюшка успела сообщить мне, что ею послана телеграмма в Петербург дяде, извещающая его о дне и часе моего приезда, но выедет ли он меня встретить или нет — этого я положительно не знала.

И потом, если дядя даже и будет на вокзале, как я узнаю его? Ведь я его только и видела на портрете в мамочкином альбоме!

Размышляя таким образом, я в сопровождении моего покровителя Никифора Матвеевича бегала по вокзалу, внимательно вглядываясь в лица тех господ, которые имели хотя самое отдалённое сходство с дядиным портретом. Но положительно никого похожего не оказывалось на вокзале.

Я уже порядочно-таки устала, но всё ещё не теряла надежды увидеть дядю.

Крепко схватившись за руки, мы с Никифором Матвеевичем метались по платформе, поминутно натыкаясь на встречную публику, расталкивая толпу и останавливаясь перед каждым мало-мальски важного вида господином.

— Вот, вот ещё один похожий, кажется, на дядю! — вскричала я с новой надеждой, увлекая моего спутника вслед за высоким седым господином в чёрной шляпе и широком модном пальто.

Мы прибавили шагу и теперь чуть не бегом бежали за высоким господином.

Но в ту минуту, когда мы уже почти настигли его, высокий господин повернул к дверям зала первого класса и исчез из виду. Я бросилась за ним следом, Никифор Матвеевич за мною...

Но тут случилось нечто неожиданное: я нечаянно запнулась за ногу проходившей мимо дамы в клетчатом платье, в клетчатой накидке и с клетчатым же бантом на шляпе. Дама взвизгнула не своим голосом и, выронив из рук огромный клетчатый зонтик, растянулась во всю свою длину на дощатом полу платформы.

Я бросилась к ней с извинениями, как и подобает хорошо воспитанной девочке, но она даже не удостоила меня хотя бы единым взглядом.

— Невежи! Олухи! Неучи! — кричала на весь вокзал клетчатая дама. — Несутся как угорелые и сбивают с ног порядочную публику! Невежи, неучи! Вот я пожалуюсь на вас начальнику станции! Директору дороги! Градоначальнику! Помогите хоть подняться-то, невежи!

И она барахталась, делая усилия встать, но ей это никак не удавалось.

Никифор Матвеевич и я подняли наконец клетчатую даму, подали ей отброшенный во время её падения огромный зонтик и стали расправлять, не ушиблась ли она.

— Ушиблась, понятно! — всё тем же сердитым голосом кричала дама. — Понятно, ушиблась. Что за вопрос! Тут насмерть убить, не только ушибить можно. А всё ты! Всё ты! — внезапно накинулась она на меня. — Скачешь, как дикая лошадь, противная девчонка! Вот подожди у меня, городовому скажу, в полицию отправлю! — И она сердито застучала зонтиком по доскам платформы. — Полицейский! Где полицейский? Позовите мне его! — снова завопила она.

Я обомлела. Страх охватил меня. Не знаю, что бы случилось со мною, если бы Никифор Матвеевич не вмешался в это дело и не заступился за меня.

— Полноте, сударыня, не пугайте ребёнка! Видите, девочка сама не своя от страха, — проговорил своим добрым голосом мой защитник, — и то сказать — не виновата она. Сама в расстройстве. Наскочила нечаянно, уронила вас, потому что за дядей спешила. Показалось ей, что дядя идёт. Сиротка она. Вчера в Рыбинске мне её передали с рук на руки, чтобы к дяденьке доставить в Петербург. Генерал у неё дяденька... Генерал Иконин... Фамилии этой не слыхали ли?

Едва только мой новый друг и защитник успел произнести последние слова, как с клетчатой дамой произошло что-то необычайное. Голова её с клетчатым бантом, туловище в клетчатой накидке, длинный крючковатый нос, рыжеватые кудерки на висках и большой рот с тонкими синеватыми губами — всё это запрыгало, заметалось и заплясало какой-то странный танец,

а из-за тонких губ стали вырываться хриплые, шипящие и свистящие звуки. Клетчатая дама хохотала, отчаянно хохотала во весь голос, выронив свой огромный зонтик и схватившись за бока, точно у неё сделались колики.

— Ха-ха-ха! — выкрикивала она. — Вот что ещё выдумали! Сам дяденька! Сам, видите ли, генерал Иконин, его превосходительство, должен явиться на вокзал встретить эту принцессу! Знатная барышня какая, скажите на милость! Ха-ха-ха! Нечего сказать, разодолжила! Ну, не прогневишь, матушка, на этот раз дядя не выехал к тебе навстречу, а послал меня. Не думал он, что ты за птица... Ха-ха-ха!!!

Не знаю, долго ли ещё смеялась бы клетчатая дама, если бы, снова придя мне на помощь, Никифор Матвеевич не остановил её.

— Полно, сударыня, над дитятей неразумным потешаться, — произнёс он строго. — Грех! Сиротка барышня-то... круглая сирота. А сирот бог...

— Не ваше дело. Молчать! — неожиданно вскричала, прервав его, клетчатая дама, и смех её разом пресёкся. — Несите за мною барышнины вещи, — добавила она несколько мягче и, обернувшись ко мне, бросила вскользь: — Идём. Нет у меня времени лишнего возиться с тобою. Ну, поворачивайся! Живо! Марш!

И, грубо схватив меня за руку, она потащила меня к выходу.

Я едва-едва попевала за ней.

У крыльца вокзала стояла хорошенькая щегольская пролётка, запряжённая красивою

вороной лошастью. Седой, важного вида кучер восседал на козлах.

— Степан, подавай! — крикнула во весь голос клетчатая дама.

Кучер дёрнул вожжами, и нарядная пролётка подъехала вплотную к самым ступеням вокзального подъезда.

Никифор Матвеевич поставил на дно её мой чемоданчик, потом помог взобраться в экипаж клетчатой даме, которая заняла при этом всё сиденье, оставив для меня ровно столько места, сколько потребовалось бы, чтобы поместить на нём куклу, а не живую девятилетнюю девочку.

— Ну, прощайте, милая барышня, — ласково зашептал мне Никифор Матвеевич, — дай вам счастливо устроиться у дяденьки. А ежели что — к нам милости просим. Адресок у вас есть. На самой окраине мы живём, на шоссе у Митрофаниевского кладбища, за заставой... Запомните? А уж Нюрка рада-то будет! Она сироток любит. Добрая она у меня.

Ещё долго бы говорил со мною мой приятель, если бы голос клетчатой дамы не прозвучал с высоты сиденья:

— Ну, долго ли ты ещё заставишь ждать себя, несносная девчонка! Что у тебя за разговоры с мужиком! Сейчас же на место, слышишь!

Я вздрогнула, как под ударом хлыста, от этого едва знакомого мне, но успевшего стать уже неприятным голоса и поспешила занять своё место, наскоро пожав руку и поблагодарив моего недавнего покровителя.

Кучер дёрнул вожжами, лошадь снялась с места, и, мягко подпрыгивая и обдавая прохожих комками грязи и брызгами из луж, пролётка быстро понеслась по шумным городским улицам.

Крепко ухватившись за край экипажа, чтобы не вылететь на мостовую, я с удивлением смотрела на большие пятиэтажные здания, на нарядные магазины, на конки и омнибусы, с оглушительным звоном катившие по улице, и невольно сердце моё сжималось от страха при мысли о том, что ждёт меня в этом большом, чужом мне городе, в чужой семье, у чужих людей, про которых я так мало слышала и знала.

Глава IV

СЕМЕЙСТВО ИКОНИНЫХ. — ПЕРВЫЕ НЕВЗГОДЫ

— **М**атильда Францевна привезла девочку!
— Твою кузину, а не просто девочку...

— И твою тоже!

— Врёшь! Я не хочу никакой кузины! Она нищая.

— И я не хочу!

— И я! И я!

— Звонят! Ты оглох, Фёдор!

— Привезла! Привезла! Ура!

Всё это я слышала, стоя перед обитой тёмно-зелёной клеёнкой дверью. На прибитой к двери медной дощечке было выведено крупными, красивыми буквами: